

Русские путешественники Нового времени: имперский взгляд или восприятие космополита?

СЕРГЕЙ КОЗЛОВ

Рождение Российской империи причудливым образом переплелось с обретением русским дворянством важнейшей из человеческих свобод — права на беспрепятственное передвижение внутри империи и за ее пределами. Именно в путешествии, как верно писала Е.С. Ивашина, изначально была заложена идея свободы, освобождения духа, души человека.¹ В начале XVIII в. десятки молодых людей отправлялись в Европу для обучения «навигационным наукам», астрономии и плавания на британских, голландских, венецианских кораблях. В 1706–1711 гг. для обучения морским наукам выехало более 180 молодых дворян и простолюдинов. Зимой они учились навигации, а летом «ходили на море на воинских кораблях», получая практический опыт в длительных и рискованных плаваниях по свету. Первые партии волонтеров вернулись в Россию через четыре года, остальные пробыли за границей десять и более лет. Многие из них, успешно пройдя строгий экзамен в присутствии Петра I, впоследствии отличились на флоте и государственной службе. Как видим, в петровскую эпоху русские люди могли выехать в Европу только для обучения или с важными дипломатическими поруче-

1 Ивашина Е.С. Жанр литературного путешествия в России конца XVIII–первой трети XIX века. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 1980. С. 9–10.

ниями. Частные путешествия в «чужие земли» были крайне редки.

По-настоящему реализовать свое желание «видеть свет», т.е. много путешествовать русский дворянин смог лишь во второй половине XVIII в. Манифестом 18 февраля 1762 г. и Жалованной грамотой 1785 г. были сняты все ограничения на передвижение дворян. Отныне они могли свободно выезжать за рубеж и наниматься на службу к иностранным монархам. Впервые россияне смогли по-настоящему открыть для себя необъятные просторы России и Европы. Все путешествия, совершаемые русскими людьми, можно разделить на две группы. В первую входят путешествия частных лиц («Grand Tour», образовательные турне), а во вторую — поездки, совершаемые по инициативе государства (научные экспедиции, стажировки русских офицеров в армиях европейских государств, пенсионерство, поездки с дипломатическими и разведывательными целями).

В ходе вояжей путешественники вели путевые дневники, отличавшиеся откровенностью, яркостью и широтой изложения. Это были небольшие записные книжки и толстые тетради, в которых со скрупулезностью описывались мелочи повседневной жизни. Путешественники обращались к ним ежедневно или от случая к случаю, нередко переходя от житейских зарисовок к пространным рассуждениям о нравах, традициях, особенностях национального характера других народов.

Путевые дневники велись как по зову сердца, так и «по принуждению», являясь обязательным атрибутом поездок «на казенном иждивении», т.е. за государственный счет. Как правило, они не предназначались для публикации, поэтому авторы высказывали свои взгляды и давали оценки событиям и людям, с которыми они встречались, без оглядки на общественное мнение и цензуру.

К концу XVIII в. началась настоящая «экспансия» путевых дневников в литературу и они становятся самостоятельным литературным жанром. Указывая на это явление, И. Паперно отмечает, что дневники с трудом балансируют между литературным и историческим произведением, между внутренними и внешними событиями,

между субъективностью и объективностью, между личным и общественным.²

Для раскрытия данной темы используются путевые записки русских путешественников XVIII–начала XX вв., выходцев из разных социальных слоев общества. Это представители высшей петербургской аристократии, богатого купечества, городских низов, а также морские офицеры, ученые, студенты и др.

1. «Ни один скипетр в свете, кроме российского...»

Превратившись в екатерининскую эпоху из ручейка в полноводный поток, по образному выражению Э.Г. Кросса, путешествия русских людей совпали с оформлением контуров имперской идеи в России. Победы, одержанные русскими войсками в войне с Турцией, и особенно впечатляющий успех средиземноморской экспедиции 1770 г., породили в российском обществе эйфорию вокруг быстрого и легкого захвата османской столицы. В переписке с Вольтером императрица Екатерина II шутливо назначала философу свидание на берегах Босфора, а в ее окружении зарождался так называемый «греческий проект». Он предполагал воссоздание на обломках Османской Турции Греческой империи, правителем которой должен был стать новорожденный внук императрицы — Константин.³

Подобные имперские проекты исходили не только от представителей высшей власти, но и от рядовых офицеров. В Британской национальной библиотеке мною была обнаружена записка 25-летнего капитана Екатеринбургского полевого мушкетерского батальона К.Ф. Казачковского, награжденного золотым крестом за проявленную «мужественную неустрашимость». В 1791 г. Он предлагал властям «предпринять войну против Китая», уверяя при этом, что это необходимо «воспринять для блага России», ибо это позволит

2 Irina Paperno, “What Can Be Done with Diaries?” *The Russian Review* 63 (October 2004), p. 561

3 Смелянская И.М. Восточное Средиземноморье в восприятии россиян и в российской политике (вторая половина XVIII в.) // Восток. 1995. № 5. С. 73–74.

«к востоку и полдню иметь море, а к западу Индию...» К. Казачковский признавался, что сия «записка всеминутно его занимает» и просил российское правительство дать ему «несколько орудий, тысячу пятьдесят денег и дозволить бы сформировать вольницу», и он уже через год «оправдал бы свое мнение». ⁴ Но сей авантюрный проект остался без ответа.

В путевых записках русских путешественников также прослеживаются имперские мотивы, охватившие российское общество эпохи Екатерины II. Так, русский мореплаватель Ю.Ф. Лисянский, служивший в 90-е гг. XVIII в. волонтером на торговых и военных кораблях британского флота, вел подробные записки об увиденном. Завершая их, он не преминул заметить: «Какой государь в Европе в силах сравнить себя с властью остынской аглинской компании (т.е. Ост-Индской английской компании – С.К.) теперь! Кто смеет сказать, что он владычествует над столь пространною землею и над таким множеством коронованных особ, как сии купцы! Ни один скипетр в свете, кроме российского, ибо целая Индия склавствует ноне под оными». ⁵

С этим перекликаются и высказывания матроса Ершова, записанные в XIX в. этнографом С.М. Максимовым. Он прослужил на флоте 25 лет, дважды обойдя вокруг света и повидав многие страны. Ершов сообщал о своих «баталиях» с французами и англичанами. Однако на вопрос о других народах неожиданно заявил:

— Других народов нету.

— А немцы?

— Об этих и говорить не стоит. С этими мы на мысе Доброй Надежды подрались — руки только раззудили: и работать нечего было.

4 Цит. по: *Козлов С.А.* Русский путешественник эпохи Просвещения. Т. 1. СПб., 2003. С. 209.

5 ЦВММ (Центральный военно-морской музей) (далее-ЦВММ) № 41821. Л. 62.

Как видим, для матроса Ершова весь мир «развалился на три главных народа: французов, англичан и русских», а других он просто не различал.⁶

Русские путешественники крайне болезненно реагировали на любые попытки пренебрежительного, как им казалось, отношения к России и русским. К примеру, некто князь А. С-ков в письмах из Восточной Индии, опубликованных в 1843 г. в «Современнике» с возмущением писал: «Англичане здесь думают, что мы не что иное, как отродье Гох-Нидер-Кур-Фин-Эст или голландскаго племени с примесью чуди и татар, и что язык наш есть немецкий патуа смешанный с татарщиной. Я им сказал, что был древний народ славяне, народ славный, что он и теперь существует под именем русских, и что между русскими и немцами не более сходства, как между англичанами и авганцами».⁷

Путешествуя по Европе, русские вояжеры записывали каждую мелочь, анекдот о соотечественниках, не ускользали от них и появлявшиеся в прессе карикатуры на имперскую политику России. Внебрачный сын Екатерины II А.Г. Бобринский в ходе “Grand Tour” по Европе в 1785 г. с восторгом писал в дневнике о том, как в Вене трое русских играли в бильярд до полуночи и хотели выйти не заплатив, считая, что, будучи союзниками Австрии, они не обязаны платить. Но маркер не соглашался, тогда они его «прибили» и ушли вон.⁸ Волонтеру Ю.Ф. Лисянскому лондонские газеты показались слишком «дерскими», что, по его мнению, «происходило от вольности, которая иногда и в бесчинство превращается». В 1794 г. в путевых записках он упомянул о «знатной карекатуре». На ней императрица Екатерина II «водит за носы по рынку рымского импера-

6 Цит. по: *Оболенская С.В.* Образ немца в русской народной культуре XVIII–XIX вв. // *Одиссей. Человек в истории.* М., 1991. С. 161–162.

7 *С-ков Кн.А.* Письмо из Восточной Индии (Князю П.А. Вяземскому) // *Современник.* Т. 29. М., 1843. С. 198.

8 *Бобринский А.Г.* Дневник. 1779–1786 // *Козлов.* Русский путешественник эпохи Просвещения. Т. 1. С. 439.

тора, английского и прусского короля, курляндцы же поднесли ей цепь и на швецкаго».⁹

Наполеоновское нашествие, заграничная компания российской армии, триумфальное вступление в марте 1814 г. русских войск в Париж внесли новые черты в архитектуру имперской идеи в России. В российском обществе осознавалась особая, освободительная миссия России в Европе и христианском мире. Отчасти этому способствовало сложившееся в европейском сознании представление о русских, как чудо-богатырях, суровых казаках, повергших всесильного Наполеона. Не варвар и грабитель, а нежный с детьми, не равнодушный к дамскому полу любитель пирогов и водки — вот новое обличье казака-освободителя.¹⁰ Русский мореплаватель О.Е. Коцебу, совершая в 1815–1818 гг. кругосветное плавание в качестве начальника экспедиции и командира брига «Рюрик», с восторгом писал о теплом приеме, который им оказывали повсюду — «уважаемой и любимой нации», «народу, который в царствование великого Александра, жертвуя собой, доставил Европе свободу».¹¹ Другой мореплаватель, В.М. Головин, путешествуя в 1817–1819 гг. вокруг света на шлюпе «Камчатка», также отмечал в путевых записках, что испанцы учтивы, приветливы и особенно хорошо расположены к русским, в чем они признаются сами, ибо считают себя обязанными российскому императору.¹²

Но если в путевых записках русских путешественников XVIII–XIX вв. имперские мотивы, как правило, отражали лишь амплитуду настроений в обществе, то литературный жанр путешествий уже формировал их, создавая стереотипы, господствовавшие затем в обществе десятилетиями. Стоявший у истоков жанра Н.М. Карамзин в «Письмах русского путешественника», которые начали печататься в 1791 г. на страницах «Московского журнала», вводил чита-

9 ЦВММ. № 41821. Л. 3 об.

10 Кабакова Г. Свечкоед. Образ казака во французской культуре XIX века // Новое литературное обозрение. 1998. № 34. С. 64–68.

11 Коцебу О.Е. Путешествия вокруг света. М., 1948. С. 48–49.

12 Головин В.М. Сочинения. М.-Л., 1949. С. 297.

теля в мир, где Россия и Запад не противостояли друг другу. Реплика Н.М. Карамзина в споре: «Россия или Европа» имела смысл «Россия есть Европа». ¹³ Безусловно, это была имперская Россия, «вершительница» европейской политики.

В списках распространялись «Записки первого путешествия» Д.И. Фонвизина, состоящие из писем, которые он писал другу П.И. Панину во время путешествия по Франции (сентябрь 1777–ноябрь 1778 г.). Наполненные беспощадной критикой и неприятием образа жизни французов, «Записки» должны были убедить «молодых сограждан» в том, что и «в нашем отечестве, как ни плохо иногда в нем бывает, можно, однако, быть столько же счастливу, сколько и во всякой другой земле, если совесть спокойна и разум правит воображением, а не воображение разумом». ¹⁴

Карамзинский образ автора-путешественника, постепенно превращающегося из легкомысленного вояжера в философа, размышляющего над судьбами своей страны и мировой цивилизации, и путешественник Д.И. Фонвизина, «с неотразимой приятностью» ругающий иностранцев, слились воедино в очерках Ф.М. Достоевского «Зимние заметки о летних впечатлениях», написанных им в 1862–1863 гг., сразу же по возвращении из первой поездки в Европу. По мнению И. Померанцева, целью Достоевского в его путешествии по Западной Европе было убедиться в том, что Европа находится в тупике и будущее европейского развития принадлежит России. Вслед за Д.И. Фонвизиним Ф.М. Достоевский размышляет о русской национальной самобытности. ¹⁵

«В западном человеке нет братского начала, а, напротив, начало единичное, личное, ослабляющееся, требующее с мечом в руке своих прав», — отмечал он. И далее продолжал: у европейца

13 Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 564.

14 Русская проза XVIII века. М., 1971. С. 198.

15 Померанцев И. Достоевский и литература путешествий // *Russian Literature* 47 (January 2000), p. 100; Derek Offord, “Beware the Garden of Earthly Delights: Fonvizin and Dostoevskii on Life in France,” *The Slavic and East European Review* 78, no. 4 (October 2000), p. 642.

«утрачена способность пониманья и чутья настоящей чести». При этом француза «никогда не разуверишь в том, что он не первый человек на всем земном шаре. Впрочем, о всем земном шаре, кроме Парижа, он весьма мало знает, да и знать-то очень не хочет».¹⁶

Задачу создания «миров» разных стран и воссоздание духа наций «через взглядывание, вдумывание в чужую жизнь, в жизнь целого народа или одного человека» ставил перед собой И.А. Гончаров в «очерках путешествия» «Фрегат Паллада» (1855–1858). Один из сюжетов книги посвящен британской имперской цивилизации, сравнению ее с другими «мирами». И.А. Гончаров рисует образ англичанина преобразователя-цивилизатора, колонизатора, творца величайшей из империй.¹⁷ Однако он считает неприемлемой британскую имперскую модель для институтов Российской империи. «Филантропия возведена в степень общественной обязанности, а от бедности гибнут не только отдельные лица, семейства, но целые страны под английским управлением, — отмечал И.А. Гончаров, — между тем этот нравственный народ по воскресеньям ест черствый хлеб, не позволяет вам в вашей комнате заиграть на фортепиано или засвистать на улице. Призадумаясь над репутацией умного, делового, религиозного, нравственного и свободного народа».¹⁸ В подобной оценке прослеживаются также горечь и обида за поражение в Крымской войне. И.А. Гончаров, как и многие в России, главным виновником в этом видел «коварный Альбион», «дряхлый Альбион», «метрополию зла».

Русские путешественники в путевых записках критиковали не только «чужие» империи, но и «свою» Российскую. Иногда эта критика была безапелляционной и крайне негативной. Путешественник, поэт-романтик, автор «Замогильных записок» В.С. Печерин, к примеру, писал: «Сколько накопелось ненависти ко всему окружающе-

16 Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти томах. Т. 5. Л., 1973. С. 80–85.

17 Краснощекова Е.А. ««Мир Японии» в книге И.А. Гончарова «Фрегат Паллада»» *Acta Slavica Iaponica*, 11 (1993). pp. 110–111.

18 Гончаров И.А. Фрегат «Паллада» (очерки путешествия). М., 1957. С. 96.

му, ко всему родному, к целой России! [...] Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждаты ее уничтоженья... Несчастное славянское племя! Мы какою-то непреодолимою силою увлекаемся к рабству. Раболепие в нашей крови».¹⁹

Но, пожалуй, не ненавистью к империи и ожиданием ее крушения, а тревогой и огорчением об уходящем, разрушающемся «мире» было наполнено большинство дневников второй половины XIX—начала XX вв. Примером этому могут служить «записки очевидца» (1867–1868) М.И. Вавилова о последних днях Русской Америки. По его словам, русские люди, даже на скалах Америки, вели дела свои по двойной бухгалтерии, а правительственные субсидии, привилегии и гарантии не имели успеха. «И вот, во время этих предписаний, приказаний, указаний, отношений, предложений, донесений, пояснений, над домом главного правителя российско-американской компании развился флаг республики Соединенных Штатов, — с горечью писал М.И. Вавилов, — русская жизнь рухнула, а дикая первобытная природа с дикими, еще находившимися в младенчестве племенами так и просилась к жизни, предлагая взамен ее открыть скрытые сокровища земли и моря, до которых не прикасался еще человеческий ум и знание».²⁰

Наконец, были и те, для кого всякие назойливые разговоры о великой державе, имперском духе и величии вызывали лишь «безмерную тоску и смертельную скуку». Так, вояжер С. Елпатьевский, путешествуя в 1908 г. по Италии, отмечал в своих путевых записках: «Все великие державы — Англия, Германия, Франция, и так как каждая из них самая величайшая, то в той или в иной мере презирает другие самые величайшие державы. С негнушейся прямоотой и честностью презирает другие народы Англия; с прусской грубостью грозит бронированным кулаком миру Германия; с утонченной любезностью величайшая из величайших Франция всемерно прези-

19 Цит. по: *Лескинен М.В.* Миф Европы и Польша в «Записках» В.С. Печерина. // *Славяноведение.* 2004. № 1. С. 54–55, 61.

20 *Вавилов М.И.* Последние дни в Русской Америке 1867–1868 гг. Из записок очевидца // *Русская старина.* 1886. № 9. С. 613–614.

рает другие державы, в том числе и Россию, — не только великую, но и святую Россию. А Америка просто и откровенно презирает весь старый свет. А Япония презирает вообще людей с белой кожей; а, быть может, Индия завтра станет презирать людей и белой, и желтой кожи.²¹

2. «Главное дело быть людьми, а не славянами...»

Отрицание «всяких» империй в угоду общечеловеческих ценностей, разрушение границ, барьеров, языковых, этнических и расовых преград, осознание себя частью многоликого пространства и стремление к его познанию, была заложена в самой природе путешествия и являлась аксиомой для вояжера. Безусловно, неслучайно путешествия русских людей стали массовыми в XVIII в. — в эпоху Просвещения, которое по своей сути было космополитично, и «просвещенный человек не знал языковых или этнических обозначений».²²

Поэтому в «Письмах...» Н.М. Карамзина образ путешественника раздвоен: он и русский, и европеец-космополит. «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами»,²³ — отмечал писатель. Идеальный образ путешественника — «гражданина мира», рисует в путевых записках Ю.Ф. Лисянский. Им был попутчик русского мореплавателя англичанин Пирс. «Он путешествовал пятнадцать лет, так что не осталось почти не одного места в свете, где бы не был последний, — писал с восторгом Ю.Ф. Лисянский. — [...] Собирается теперь сделать прогулку в Каир, откуда предполагает пробраться сухим путем к мысу Доброй Надежды».²⁴

Большинство русских дворян, путешествовавших по Европе, увле-

21 *Елпатьевский С.* Италия // Русское богатство. 1908. № 8. С. 124.

22 *Раков В.М.* «Европейское чудо» (рождение новой Европы в XVI–XVIII вв.). Пермь, 1999. С. 202–203.

23 *Карамзин Н.М.* Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 254.

24 ЦВММ. № 41821. Л. 31.

кали масонские идеи. Путевые дневники А.Г. Бобринского, В.Н. Зиновьева, С.И. Плещеева и др. переполнены записями о посещениях европейских масонских лож, встречах, беседах, совместных поездках с идеологами масонства Л.К. де Сен-Мартеном, Ж.-Б. Виллермозом, о принятии их в масонские братства. По мнению В.Н. Зиновьева, в обществе масонов «делаешься в состоянии разрешать все таинственное и необъяснимое, встречающееся на жизненном пути, и что вследствие чрезмерной безнравственности, сделалось столь трудно разрешимым».²⁵ Русским вояжерам были близки идеи христианского экуменизма — постепенного объединения всех исповеданий в единую «Церковь».²⁶

Поиски земного рая у многих русских путешественников заканчивались в Италии, которую окружали некоей мифологической аурой, в ней видели вторую родину — «родину души своей».²⁷ Некоторые находили много общего в характере и психологии русских и итальянцев: «простоте манер, музыкальности и певучести, плюсах и минусах, свете и тени». Как отмечал вояжер С. Елпатьевский, многие русские рассказывали, как они совершенно иначе начинали чувствовать себя, как только пересаживались из австрийского или французского вагона в итальянский, и какое радушное и приветливое отношение встречали они к себе, когда итальянцы узнавали, что их соседи русские. Однако при этом он не преминул добавить: «Я не знаю, надолго ли сохранится это отношение: о нем узнали, и им стали пользоваться просто уголовные люди, бежавшие из России от тюрьмы и суда, и просто бродячие люди, которые изобрели своего рода промысел бродить от одной русской колонии к другой».²⁸

25 *Журнал путешествия В.Н. Зиновьева по Германии, Италии, Франции и Англии в 1784–1788 гг.* // Русская старина. Кн. 23. 1878. С. 209.

26 *Вишленкова Е.А.* Заботясь о душах подданных: Религиозная политика в России первой четверти XIX века. Саратов, 2002. С. 105–107.

27 *Данилова И.* Россия — Италия. Сквозь века взаимного изумления // Искусствоведение. 2005. № 5. С. 141–142.

28 *Елпатьевский С.* Италия // Русское богатство. 1908. №. 8. С. 139–140.

Русские путешественники, оказавшись в «чужом мире», нередко полностью вливались и находили в нем уже знакомые и ставшие для них «своими», такими родными итальянские, английские, французские, немецкие мотивы, уже познанные ими в ходе длительных вояжей. Так, С. Елпатьевский, путешествуя по Египту в 1909 г., с восхищением писал о Каире: «Тут вся Европа. Англичане и американцы с великолепными каменными лицами, французы, чувствующие себя как дома, громоздкие, шумливые и крикливые немцы, шустрые и подвижные греки, итальянцы с великолепными лицами и решительными жестами, тут русские «под все народы» [...] И безхозяйной улицей кажется мне не только Каир, но и весь Египет. Не видно хозяина, нельзя разобрать, где гости и где хозяева, и долгое время думается, что именно гости и есть хозяева».²⁹

Во второй половине XIX в. путешествия переживают настоящий бум, став доступными для большинства россиян. В них начинает стремительно стираться сентиментальная, романтическая сущность, таинственность и восторг перед увиденным, жгучее желание к глубокому, а не поверхностному познанию. М.Е. Салтыков-Щедрин назвал таких вояжеров «гастрополовыми космополитами».³⁰

3. «Ежели бы что-то особливое не влекло домой...» Вместо заключения

Как бы долго не длилось путешествие, вояжер рано или поздно должен был возвращаться домой. Правда, среди них были и те, кого «другая» жизнь увлекла настолько, что они оставались в Европе, пополняя русские колонии в Италии, Франции, Германии и т.д. Большинство же возвращалось, испытывая тоску по родине. Путешествовавший по Европе в 1776–1777 гг. А.С. Шишков, так писал об этом: «оставя любезное наше отечество и со всеми теми, кото-

29 *Елпатьевский С.* Египет // Русское богатство. 1909. № 10. С. 193, 199.

30 *Салтыков-Щедрин М.Е.* За рубежом (1880–1881) // Собрание сочинений в 20-ти томах. Т. 14. М., 1972. С. 44, 59–71.

рых мы в оном любить и почитать привыкли: скука и сожаление далеко нас провождали, а воспоминание навсегда с нами осталось». ³¹ Композитор М.И. Глинка, путешествуя по Европе, пытался вжиться в различные национальные культуры, но в итоге был вынужден признать: «Все написанные мною в угождение жителей Милана пьесы... убедили меня только в том, что я шел не своим путем и что я искренно не мог быть итальянцем. Тоска по отчизне навела меня постепенно на мысль писать по-русски». ³²

В.И. Головин, завершая в сентябре 1809 г. кругосветное путешествие на шлюпе «Диана», достиг, наконец, берегов Камчатки. «Радость, какую мы чувствовали при воззрении на сей грозный, дикий берег, представляющий природу в самом ужасном виде, могут только те понимать, кто бывал в подобном нашему положению или кто в состоянии себе вообразить оное живо». ³³ «Раем» называл русский мореплаватель Ю.Ф. Лисянский в путевых записках службу волонтером на британском флоте в 90-е гг. XVIII в. и согласился бы «вечно жить с ними», «ежели бы что-то особенное не влекло домой». ³⁴

На чужбине у русских путешественников складывался цельный обобщенный образ Родины, рождалось новое ощущение и знание о России. По образному выражению Н.В. Гоголя, из каждого угла Европы видны новые стороны России и, по его словам, в полном объёме ее можно обнять, только оглянув всю Европу. ³⁵ Происходит трансформация взглядов, оценок, уже сложившихся стереотипов и установок. «Космополит» Н.М. Карамзин по возвращении из заграничного вояжа выступил впоследствии против реформирования государственной власти в России, отстаивая незыблемость самодер-

31 Русский путешественник прошлого века за границу (Собственноручные письма А.С. Шишкова 1776 и 1777 г.) // Русская старина. Т. 90. 1897. С. 410.

32 Цит. по: *Баяхунова Л.Б.* Михаил Иванович Глинка — композитор и путешественник // *Обсервация культуры.* 2004. № 4. С. 49.

33 *Головин.* Сочинения. С. 114.

34 ЦВММ. № 41821. Л. 10–11.

35 *Гоголь Н.В.* Полное собрание сочинений. Т. 12. М., 1952. С. 146.

жавия — основы имперского величия страны. Это нашло отражение в его знаменитой записке «О древней и новой России» (1811), в которой он с негодованием отмечал: «Мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России. При царе Михаиле или Феодоре вельможа российский, обязанный всем Отечеству, мог ли бы с веселым сердцем навеки оставить его, чтобы в Париже, в Лондоне, Вене спокойно читать в газетах о наших государственных опасностях?»³⁶

Писатель и переводчик Роман Цебриков, будучи студентом Лейпцигского университета, в конце XVIII в. написал записку «Любовь к Отечеству», в которой с упоением восклицал: «Родина моя, Отечество мое для меня любезно. Напоминание о нем для меня приятно и усладительно. Я имею там родных, и их люблю сердечно, имею приятелей, и к ним привержен искренно. Нет! Я не могу их оставить навсегда, хочу жить и умереть с ними — в моем отечестве!» Однако, столкнувшись с контрастами и противоречиями русской жизни, Р. Цебриков стал сомневаться в правоте отстаиваемых им идеалов. Под воздействием терзающих переживаний он писал: «Вспомнил о тихих нравах и благоустройстве немецких сторон. Сожалел, что мысль любить свое Отечество превозмогла все другаия о выгодах и спокойствии, коими там наслаждался. Может быть и я по негибкости моего характера тому причиною, что не получаю чего чувствую себя быть достойным. Негибкость однако моя состоит не в чем ином, кроме что никому в свете льстить не хочу, а говорю правду. Правдою же у нас редко нажать можно покровителей, а без них со всеми дарованиями и знаниями в неизвестности закончишь».³⁷ Однако Р. Цебриков остался верен своим принципам и его способности были оценены по достоинству: он стал личным переводчиком императора Александра I; в 1809 г. его избрали в члены Российской Академии.

36 Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М., 1991. С. 35.

37 Отдел рукописей и редких книг Российской Национальной библиотеки. Ф. 830. Бумаги Р.М. Цебрикова. Т. 2. Л. 10; Л. 2–4.

Как видим, двойственность в восприятии «своей», российской действительности и «чужого», европейского мира проявлялась сразу же по возвращении русских путешественников. Глубину этих разрывающих душу противоречий с наибольшей силой сумел передать русский поэт Н.А. Некрасов, проживший в Европе почти год: «А надо правду сказать, какое бы унылое впечатление ни производила Европа, стоит воротиться, чтобы начать думать о ней с уважением и отрадой. [...] Что до меня, я доволен своим возвращением. Русская жизнь имеет счастливую особенность сводить человека с идеальных вершин, поминутно напоминая ему, какая он дрянь, — дрянью кажется и все прочее и самая жизнь, — дрянью, о которой не стоит много думать. [...] И все-таки я должен сознаться, что сердце у меня билось как-то особенно при виде — «родных полей» и русского мужика».³⁸

38 *Некрасов Н.А.* Полное собрание сочинений и писем. Т. 10. М., 1952. С. 354–355.